
Homo Dignus в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма*

© 2020 г. И.А. Кравец

*Институт философии и права Новосибирского национального исследовательского
государственного университета, Новосибирск, 630090, ул. Пирогова, д. 1.*

E-mail: kravigor@gmail.com

Поступила 12.06.2019

В статье обсуждаются вопросы идентификации человеческого достоинства в философском и правовом дискурсе, рассматриваются природа и сущность достоинства, его связь с самоуважением и самоценностью; происхождение и использование «*dignitas*» в рамках римской традиции; значение категории «достоинство» в современной правовой, политической и этической дискуссии; критическое осмысление взглядов И. Бенгама на права человека, их влияние на современный статус достоинства личности; роль юридического полиморфизма в понимании человеческого достоинства как правовой категории; использование термина «достоинство» в этическом, философском и правовом контексте; соотношение моральной, экзистенциальной и юридической ценности человеческого достоинства; проблема преодоления философского скептицизма в отношении достоинства посредством современных юридических форм, юридического полиморфизма и экзистенциальной ценности достоинства. Оцениваются перспективы возвышения человеческого достоинства в современной юриспруденции с позиций философского и метаюридического анализа; раскрывается эвристическая ценность и интегративная функция человеческого достоинства. Цель статьи – определить значение философско-этического, экзистенциального и конституционно-правового диалога вокруг человеческого достоинства; связь справедливости, достоинства и правового порядка; роль конституционализма и международных правовых актов в создании разнообразных правовых форм человеческого достоинства; влияние современного культурного многообразия на секуляризацию и универсализацию человеческого достоинства. Используются дискурсивный подход и критический рационализм в правовых исследованиях, методы диалектики, юридической герменевтики и правовой инженерии, которые позволяют определять экспрессивный характер юридических норм о достоинстве, метаюридическую природу и полисемическое значение человеческого достоинства в современной философии права, российской конституционной и международной юриспруденции.

Ключевые слова: *homo dignus*, человеческое достоинство, моральная ценность, экзистенциальная ценность, самоуважение, самоценность, правовая ценность, деонтология, статус, аксиология, юридический полиморфизм, право на права.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-26-37

Цитирование: *Кравец И.А. Homo Dignus* в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 26–37.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18–011–00761 А.

Homo Dignus in Philosophical and Legal Discourse: Human Dignity and the Philosophy of Constitutionalism*

© 2020 Igor A. Kravets

*Institute for the Philosophy and Law at the Novosibirsk State University,
1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.*

E-mail: kravigor@gmail.com

Received 12.06.2019

The article discusses the issues of identifying human dignity in philosophical and legal discourse, examines the nature and essence of dignity, its relationship with self-esteem and self-worth; the origin and use of “dignitas” within the framework of the Roman tradition; the importance of the category “dignity” in modern legal, political and ethical discussion; critical reflection of the views of I. Bentham on human rights, their influence on the modern status of the human dignity; the role of legal polymorphism in understanding human dignity as a legal category; the use of the term “dignity” in an ethical, philosophical and legal context; correlation of moral, existential and legal values of human dignity; the challenge of overcoming philosophical skepticism regarding dignity through modern legal forms, legal polymorphism and the existential value of dignity. The paper assesses the prospects of rise of human dignity in modern jurisprudence from the standpoint of philosophical and meta-legal analysis; reveals the heuristic value and integrative function of human dignity. The purpose of the article is to reveal the significance of philosophical-ethical, existential and constitutional-legal dialogue around human dignity; the connection of justice, dignity and legal order; the role of constitutionalism and international legal acts in the creation of various legal forms of human dignity; the influence of modern cultural diversity on the secularization and universalization of human dignity. The discursive approach and critical rationalism in legal research, the methods of dialectics, legal hermeneutics and legal engineering are used; they allow us to determine the expressive nature of legal norms on dignity, the meta-legal nature and polysemic significance of human dignity in modern philosophy of law, Russian constitutional and international jurisprudence.

Keywords: homo dignus, human dignity, moral value, existential value, self-esteem, self-worth, legal value, deontology, status, axiology, legal polymorphism, the right to rights.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2–26–37

Citation: Kravets, Igor A. (2020) ‘*Homo Dignus* in Philosophical and Legal Discourse: Human Dignity and the Philosophy of Constitutionalism’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 26–37.

Скептицизм, справедливость и достоинство личности

Можем ли мы начать рассуждения о человеческом достоинстве с высказывания о том, что в современном мире с его культурным и правовым разнообразием ни одна система (правовая, политическая, культурная) в полной мере не отвечает идее человеческого достоинства, так как существует множество отклонений от нормативного идеала

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 18–011–00761 А.

достоинства, зла и неравноправия, непропорционального государственного принуждения и тяжелых условий в различных частях мира для человеческого существования?

Понятие достоинства «несет в себе ауру гравитации, даже святости, что придает ему очень эмоциональный смысл» [Heyd 1999, 65]. Моральное и правовое тесно переплетены не только в правах человека, но и в достоинстве личности, которое претендует на «человекообразующее» свойство, отличающее вид *homo sapiens* от других живых существ. Идентификация достоинства чаще всего основывается на теориях морали, каждая из которых имеет свой собственный взгляд на человеческую природу.

Слово «достоинство» в лексическом плане имеет *сердцевину*, или *сущность*, которая присутствует в различных способах словоупотребления. Под *достоинством* скорее следует понимать такое свойство человеческой личности, как *самоценность* и *самоуважение*, именно они имманентно присущи человеку. Достоинство – это и божественный дар, и достояние человеческой природы. Как полагает Дж.Д. Чарльз, под достоинством мы не подразумеваем то, что человек чувствует, например, когда его «чувство собственного достоинства» (то есть чувство самоценности или самоуважения) находится под угрозой. Достоинство также не является свойством или качеством, которое мы знаем интуитивно. Достоинство – это то, что отличает нас от животных, так как мы по природе своей рациональные, нравственные агенты. Самое главное, из этого следует, что достоинство не может быть утрачено или унижено по только что изложенным причинам [Charles 2008, 628, п. 82]. В этом смысле достоинство представляет собой *абсолютную ценность*.

Современность говорит о достоинстве на *языке постмодерна*. Достоинство – это свойство человеческой личности, имеющее и моральный, и правовой статус, в котором интегрируются различные, в том числе культурные и экзистенциальные ценности. Как предмет политической философии достоинство связывает вопросы политической справедливости, обязанностей государства и форм участия граждан в многоплановый клубок реализации политических прав, направленных на создание надлежащих государственно-правовых и социально-экономических условий соблюдения и защиты человеческого достоинства. Например, британский политический философ М. Розен отстаивает мысль, что слово «достоинство» занимает центральное положение в современной политической и этической дискуссии, являясь центром дискурса прав человека [Rosen 2012, 1]. Современные американские философы Дж. Уолдрон [Waldron 2009, 2013] и Дж. Кейтб [Kateb 2011, 10] в своих работах размышляют о том, что должно быть сказано о человеческом достоинстве как важном элементе в оправдании и обосновании прав человека; является ли достоинство основанием прав человека и почему в достоинстве необходимо видеть не только моральную, но и экзистенциальную ценность.

Достоинство личности в категориальном смысле и *дивергентное*, и *полиморфическое* понятие, дискуссии о котором охватывают различные сферы человеческой деятельности: политику и должностное положение лица, моральный вред и возможности его компенсации, проблему реализации права на жизнь и эвтаназию, применение вспомогательных репродуктивных технологий и реализацию соматических прав, вопросы биоэтики и использование человеческих органов, неприкосновенность личности и ограничение мер государственного принуждения, проблему бедности и повышение гарантий социального благополучия и достижения достойной жизни. Слово «достоинство» употребляется не только по отношению к личности, но и по отношению к жизни («достоинство жизни»), отражая экзистенциальный приоритет ценности человеческой жизни по отношению к иным экзистенциальным категориям.

Линия скептического восприятия прав человека, намеченная И. Бентамом в его «Анархических заблуждениях» [Bentham 1843], знаменует сильный выпад против концепции естественных прав в контексте резкой критики Французской декларации прав человека и гражданина (1789). В этом труде И. Бентам создал метафорическую характеристику прав человека – «чушь на ходулях» («nonsense on stilts»), которая, по мнению некоторых современных философов, вполне применима и к человеческому достоинству. Британский исследователь утилитаризма И. Бентама отмечает, что фундаментальный

аргумент философа состоял в том, что естественным правам не хватало важной онтологической основы, за исключением той меры, в которой они отражали личные желания тех, кто их пропагандировал [Schofield 2003, 1]. Современный взгляд на человеческое достоинство предполагает понимание и его социобиологического основания, и сферы гуманитарной экзистенции в форме различных юридически закрепляемых прав и свобод (на международном, конституционном, законодательном уровнях). Поэтому вряд ли можно распространять *бентамовское* прочтение прав человека на современное значение человеческого достоинства. Идея человеческого достоинства не только не добавляет «еще больше чепухи» в концепт прав человека, но стремится на основе осмысления кантианской традиции сформировать новую парадигму понимания взаимосвязей между имманентно присущим человеку и человеческому роду свойством (каким является достоинство) и формами реализации и гарантирования прав и свобод, обязанностей человека и гражданина. Человек как моральный и рациональный индивид обладает достоинством, которое предполагает ответственность и разумное осмысление результатов своих поступков.

Логико-семантический скептицизм в отношении достоинства как свойства личности существует в гораздо большей степени, чем по отношению к суверенным государствам, их главам (монархам, президентам) и учреждениям (в том числе дипломатическим и иным, действующим на международной арене). Как разновидность философского скептицизма логико-семантические сомнения питаются многозначностью термина и многообразием концепций достоинства, сомнениями в моральном и экзистенциальном значении достоинства. Профессор Университета Амстердама Говерт А. ден Хартог предлагает один из таких парадоксов [Hartogh 2014, 200–201]. Парадоксальность признания человеческого достоинства как основания прав человека, по его мнению, означает, что у людей есть права, так как они имеют достоинство. К этому он добавляет серьезные сомнения в том, что основные функции прав человека – защищать достоинство различных людей. На наш взгляд, невозможно все права человека признавать в качестве характеристики *одного фундаментального права*: право иметь человеческое достоинство (или достоинство человеческого рода?).

Понятие «*dignitas hominis*» в классической римской мысли в значительной степени означало «статус» [McCrudden 2008, 657]. В римской правовой традиции, если обратиться к взглядам Цицерона, честь и уважение предоставлялись тому, кто был достоин этих чести и уважения в связи с занятием государственной должности и своим происхождением [Cicero web]. Должности несли с собой лицу «*dignitas*». Широкое значение слова «*dignitas*» не ограничивалось людьми и применялось к учреждениям, королевской персоне и к самому государству. В Российской Федерации длительное время преобладал неконституционализированный гражданско-правовой смысл достоинства: нематериальная ценность (честь и достоинство физического лица, деловая репутация юридического лица), предназначенная для получения компенсации морального вреда, нанесенного физическому или юридическому лицу.

Понятие достоинства играло определенную роль в развитии доктрины иммунитета суверенных государств, как показывают исследования [Dodson 2003, 780]. Эта концепция стала распространяться в международной сфере; она часто использовалась для обозначения статуса суверенных государств, но сначала для обозначения статуса монархов, в межличностных отношениях с подданными [Resnick, Suk 2003, 1923]. Применительно к понятию достоинства и для характеристики статуса посольских и консульских сотрудников, обслуживающих свои страны за рубежом (Венская конвенция о дипломатических сношениях, 1961, статья 22 (ч. 2) говорит о достоинстве дипломатического представительства, ст. 29 говорит о достоинстве личности дипломатического агента) [Венская конвенция 1961].

Философско-правовые проблемы достоинства личности занимают важное место в современной философии морали, философии естественного права и естественных прав. Справедливость, как и права человека, достоинство и благосостояние вовсе не чужды понятию или природе права. Права человека, по мнению Дж. Финниса, находят

свое основание в естественном праве и сопряжены с проблемой долга и обязанностей. Как отмечает ученый, когда мы приходим к объяснению требований справедливости, которое мы делаем, ссылаясь на потребности общего блага на его различных уровнях, мы обнаруживаем, что есть основания рассматривать концепцию долга, обязательства или требования как имеющую более стратегическую объяснительную роль, чем концепция прав. Концепция прав основана не на том, что она менее важна или менее достойна: ибо общее благо – это именно благо тех индивидов, чья выгода от выполнения долга другими является их правом, поскольку она необходима для справедливости этих других [Finnis 2015, 216]. Когда мы видим человеческое достоинство в природе человека и в природе человеческого рода, естественно-правовая доктрина принимает на себя ответственность за источник достоинства во взаимосвязи с правами человека. В то же время достоинство апеллирует к долгу иных лиц и к обязательству государства, международного сообщества защищать и охранять правовыми и иными средствами это качество человеческой личности и человеческого рода.

Идея человеческого достоинства в XX в. испытала серьезные трудности, прежде чем произошло ее возвышение во второй половине ушедшего века. Катастрофические по своим масштабам посягательства на ценность человеческой жизни в XX в. (концлагеря, Первая и Вторая мировые войны, Холокост) привели к осознанию того, что достоинство как свойство человеческой личности требует своей защиты с экзистенциальной, моральной и правовой точек зрения. Немецкий философ Ю. Хабермас защищает человеческое достоинство с моральной позиции, признавая за ним статус морального истока основных прав и свобод человека, опираясь в понимании «истока» на положение Конституции Свободного государства Саксония – восточно-германской земли ФРГ [Habermas 2010, 466–467]. Профессор Принстонского университета Дж. Кейтб акцентирует внимание на возможности защищать человеческое достоинство не только как моральную, но и как экзистенциальную ценность [Kateb 2011, 10]. Особенно трудно соотносить философский, моральный, экзистенциальный и правовой дискурс человеческого достоинства в преломлении к *природе* правомочия или права человека иметь собственное достоинство. Нередко апелляция к праву на достоинство личности происходит в категориях абсолютной и неотъемлемой ценностей; в свою очередь рассмотрение права на достоинство в контексте применения принципа пропорциональности делает затруднительной саму возможность согласования абсолютной природы права и относительной природы соразмерности, в рамках которой происходит соотношение ценностей. Соотносить ценности и находить баланс интересов, несомненно, и с правовой, и с философской точек зрения означает снимать ореол «абсолютности» с человеческого достоинства. Именно степень и пределы обеспеченности достоинства в контексте реализации различных прав и свобод – важный юридический и экзистенциальный результат, выявляемый в процессе работы принципа пропорциональности.

В поисках путей развертывания идеи справедливости «цивилизации права» не всегда находится подобающее место человеческому достоинству, которое становится центром притяжения в генезисе правовых и философских воззрений на природу и предназначение человека. В журнале «Вопросы философии» проблема справедливости раскрывалась как правовая проблема, связанная с осмыслением процессов формирования и внедрения в правовую практику новой интерпретации правовых ценностей, лежащих в основе прав человека. Справедливость затрагивает и конституционную идентичность государства, и проблему равноправия при выработке правовых ценностей в рамках европейской конвенционной политики и деятельности Европейского Суда по правам человека [Зорькин 2019, 5–14]. В этом случае справедливость рассматривается в контексте взаимодействия государств – членов Совета Европы. В философском дискурсе частная справедливость предполагает обсуждение вопроса о гарантиях равенства, в том числе равного достоинства применительно к конкретным субъектам права (гражданам) и обязанностям государства обеспечивать правовые гарантии. Недостаточно поэтому обсуждать вопрос о справедливости в контексте межгосударственных

отношений, сохраняя интенцию «безразличия» к проблеме индивидуализации гарантий равноправия и достоинства личности в границах национальной юрисдикции.

Философско-правовые доктрины проникают в теорию и практику современного конституционализма, в том числе и российского, который использует категорию «человеческое достоинство» как эквивалент конституционного права или как принцип (защиты и охраны достоинства личности) в сложных делах балансирования и ограничения основных прав и свобод человека и гражданина, порождая дилеммы о пропорциональности и справедливости.

Философская и правовая категории справедливости различаются; концепции справедливости влияют на обоснование предназначения человеческого достоинства в правовом порядке и в доктрине прав человека. Существуют формальная, содержательная и процедурная справедливость; эгалитарная и иерархическая справедливость. Рассматриваются парадигмы общей справедливости: воздающая парадигма, распределительная парадигма, меновая парадигма. Для эпохи постмодерна, предпочитающей говорить на языке культуры и многообразия, характерно изменение представлений о справедливости; некоторые исследователи указывают на переход от справедливого распределения к справедливому «признанию». Справедливость требует признания *права на уважение и достоинство* составляющих общество групп, имеющих различный статус. Различные меньшинства (национальные, религиозные, сексуальные), а также социально незащищенные группы (инвалиды, дети, женщины, старики), получающие социальные блага, должны быть признаны достойными членами общества. Вопрос о человеческом достоинстве в этом случае рассматривается с позиции справедливого признания. Но будет ли означать, что понимание достоинства в условиях постмодерна требует возрождения воздающей парадигмы? По мнению Б.Н. Кашникова, возрождается воздающая парадигма общей справедливости как достойного воздаяния всех членов общества безотносительно к их вкладу или участию во взаимовыгодных обменах [Кашников 2004, 29]. Культурное разнообразие и множественность статусов лица, юридический полиморфизм человеческого достоинства, его дивергентный характер – это факторы, которые лишают какую-либо концепцию справедливости (воздающая и распределительная парадигма, меновая парадигма) статуса единственно легитимной и востребованной.

По мнению А.А. Шевченко, главный постулат социальной справедливости заключается в том, что общество (как политическое образование) отвечает за создание таких условий, в которых самые слабые и беззащитные члены общества могли бы пользоваться основными правами и свободами, реализуя свои возможности и сохраняя человеческое достоинство [Шевченко 2013, 36–44]. Признание членов общества достойными своего статуса и природы, оставляет открытым вопрос о возможностях человека, сотворенного по образу и подобию Бога и вместе с тем открытого для процесса сотворения себя в своем достоинстве и в своих поступках. Опираясь на взгляды Джованни Пико делла Мирандолы, который выступил с новым гуманистическим пониманием достоинства человеческой природы в эпоху Возрождения в своем труде «Речь о достоинстве человека» [Мирандола 1962, 506–514], следует признавать христианские и гуманистические корни человеческого достоинства, истолкованного как возможность творить себя самого, продолжая линию божественного творения. Множественность культур и религий, сочетание светского и религиозного, материального и духовного в современном многообразном мире, делает достоинство личности отнюдь не только достижением христианской культуры и культуры возрождения. Понятие достоинства по-разному оценивается и содержательно интерпретируется на Западе и на Востоке, однако нет сомнений, что его распространение на Востоке мало связано с христианскими ценностями; скорее место человека в концепции ислама и в концепции христианской культуры в условиях современности и глобализации доктрины и практики прав человека имеет значимые точки пересечения, хотя и мотивируется различными религиозными ценностями и взглядом на мироустройство.

Влияние политических событий «арабской весны», экстраординарных действий политиков и масс в виде гражданских войн и «цветных революций» в начале нового

(XXI) столетия на государственный строй и права человека в данном регионе обеспечило существенные (в концептуальном и нормативном значении) изменения в области понимания человеческого достоинства. Исследователи заговорили о «революциях достоинства» («dignity revolutions») прежде всего на Ближнем Востоке [Schroeder, Vani-Sadr 2017, 1–8]. В таких странах, как Египет, Марокко, Тунис, конституции стали закреплять новые подходы к пониманию достоинства и прав человека (фиксация равноправия граждан, мужчины и женщины, в появлении естественных прав). Это обеспечило нормативные и концептуальные трансформации, возникновение новых значений понятия «человеческое достоинство». «Революции достоинства» привели к началу нового процесса: к переосмыслению соотношения понятий человеческого достоинства на Западе и на Востоке, к появлению потребности видеть в природе человека его достоинство, независимо, но в контексте его религиозной принадлежности и господствующего соотношения светских и религиозных ценностей. Остается в значительной степени спорным вопрос о степени проникновения идеи достоинства личности на Восток, вполне оправданным становится вопрос о том, можно ли найти общие основания в понимании достоинства на Ближнем Востоке и на Западе, в какой степени диалог о достоинстве является реальным и продуктивным. Авторы исследования утверждают, что в дискуссиях о достоинстве можно найти внутреннее ядро, объединяющее основные западные и ближневосточные течения: достоинство как чувство самооценности (self-worth), которое мы обязаны развивать и уважать в себе и защищать в других [Ibid., 89–97]. Однако важно, чтобы концепции достоинства, используемые в диалоге, были сопоставимы и имели общие, если не культурные, то социобиологические основы.

Ценность справедливости может измеряться и показателями обеспеченности человеческого достоинства как ценности, причем ценности не только моральной, но и экзистенциальной, и правовой. Идея достоинства личности сопричастна проблемной зоне соотношения общей и частной справедливости, возможностям развития в России демократического правового государства, которое нейтрализует социальное неравенство, обеспечивает элементы формальной и процедурной справедливости. По мнению исследователей политической справедливости, в России преобладает патримониальная разновидность иерархической справедливости, которая выражается в господстве «абсолютного иерархического государства с чиновничеством в виде основного привилегированного сословия» [Кашников 2004, 255–256]. В России достижение *равного достоинства* весьма затруднительно в условиях слишком большого социального расслоения и патримониальной разновидности иерархической справедливости; скорее будет преобладать статусный иерархический (основанный на принадлежности к должностному положению) вариант достоинства личности, к которому примешивается претендующий на социальную значимость образ *приближения / близости* к руководителю государства или руководителям публично-правовых образований. Чем ближе и меньшее расстояние отделяет лицо от первой персоны, тем более достойным становится и он сам, и его заслуги, и формы их признания перед обществом и государством.

Общая и частная справедливость со времени Аристотеля различаются по функциям и предназначению. Общая справедливость приобретает характер ценностного идеала и выполняет учредительную и ориентирующую функции в контексте «соборного» совместного существования. Переходя от общей к частной справедливости, следует сказать, что идея справедливости, пока сложно верифицируема в контексте обеспечения *равного достоинства* как в российском правовом дискурсе и правопорядке, так и в планетарном масштабе, во-первых, в связи с конкуренцией различных концепций достоинства в условиях культурного и правового плюрализма, во-вторых, вследствие существования значительных дифференцирующих различий статусов человека в политической, социальной, экономической сферах; в-третьих, потому что вопрос о природе достоинства, о сочетании в ней божественного и земного, биологического и социального остается во многих случаях дискуссионным.

Homo dignus: освоение человеческого достоинства правом, конститутивный характер достоинства для правовой системы

Может ли достоинство играть роль окончательного обоснования в правовой и этической теории, служить исходным основанием различных прав и правовых норм, правопорядка в целом? Исследователи называют достоинство «зонтичным термином» («umbrella term»), под которым объединяются часто противоречивые концепции и идеи. Многозначность и неопределенность понятия достоинства делает его таким привлекательным в нормативной аргументации, по мнению одних [Heyd 1999, 65–66]; по мнению других, для достоинства как правовой категории характерен юридический полиморфизм, который способствует отраслевому многообразию форм закрепления и защиты достоинства [Кравец 2019, 114]. Право переводит ценность человеческого достоинства в согласованное с иными ценностями положение. Освоение человеческого достоинства правом не сделало это свойство человеческой личности более определенным, лишенным дискуссии, однако создало юридические гарантии охраны и защиты достоинства личности, а также обязательства государств в отношении достоинства, установленные нормами международного и внутригосударственного права. Одни исследователи выстраивают философскую и правовую аргументацию по линии «человеческое достоинство – права человека». Данная линия порождает следующие вопросы: 1) можем ли мы понять важность прав человека без понимания ценности человеческого достоинства? 2) выступает ли человеческое достоинство основанием прав человека? 3) или, как отмечает Чарльз Р. Бейтц, может ли человеческое достоинство сыграть полезную роль в нашем размышлении о природе и основах прав человека? [Beitz 2013, 259–260].

Другие исследователи связывают проблематику человеческого достоинства с правовым состоянием лица, с господством права и правлением закона («достоинство личности – правовой статус – господство права»). В статье Джозефа Раза 1977 г. о господстве права автор связывает верховенство права с направлением действия закона и с идеей достоинства: «Соблюдение господства права необходимо, если закон уважает человеческое достоинство. Уважение человеческого достоинства предполагает обращение с людьми как с людьми, способными планировать и строить свое будущее. Таким образом, уважение достоинства людей включает уважение их автономии, их права контролировать свое будущее» [Raz 2008, 221]. По мнению Дж. Уолдрона [Waldron 2012, 201–202], вопрошающего: «Что я имею в виду под “достоинством”?», – достоинство является своего рода «концепцией статуса»: она имеет отношение к положению (возможно, формальному правовому статусу или, возможно, формально, моральному присутствию), которое человек имеет в обществе и в своих отношениях с другими людьми.

Сегодня широкое признание достоинства в современных конституциях¹ и международных актах по правам человека [Helsinki Final Act; Декларация тысячелетия 2000 web; Устав ООН 1945 web] не привело к большому консенсусу; по-прежнему существуют различные концепции достоинства. Отношение достоинства к праву порождает различные дискуссии: 1) можно ли считать человеческое достоинство статусом – правовым и социальным? 2) является ли достоинство с правовой точки зрения конституционной или иной юридической ценностью? 3) облекается ли достоинство в форму субъективного основного права? Данные вопросы являются лейтмотивами для формирования трех различных концепций человеческого достоинства в современной сравнительной конституционной юриспруденции. Важно понимать, что человеческое достоинство и право находятся в привилегированных отношениях, достоинство выполняет конститутивную роль для управления общественным достоянием и формирует требования и ограничения для права в целом [Riley 2018, xi–xiii]. Юридический полиморфизм человеческого достоинства может обеспечивать интеграцию различных форм его правового закрепления, если признается конституционный приоритет достоинства в качестве интегральной части конституционализма и конституционного мировоззрения.

В своей статье профессор из Университета Зальцбурга С. Кирсте идет по пути осмысления человеческого достоинства как права быть признанным в качестве субъекта права [Kirste 2013, 63–82]. Юридическая личность означает способность быть субъектом прав и обязанностей. Таким образом, человеческое достоинство имеет форму индивидуального права и содержания, которое делает его основой даже права на получение прав. В этом случае достоинство выступает исходным юридическим пунктом правоспособности, или шире – правосубъектности лица.

По мнению Кэтрин Дюпре, несмотря на то что концепт человеческого достоинства лежит на сложном перекрестке многих дисциплин и включает историю идей, философию, социологию, политическую теорию и право, можно позиционировать достоинство в самом «сердце европейского конституционализма» [Dupré 2015, 5]. К. Дюпре исходит из представления о том, что достоинство – это «эвристическое понятие», «значение которого никогда не может быть ни полным, ни полностью известным» [Ibid., 16–17]. В то же самое время, приобретая конституционное значение, человеческое достоинство понимается как *принцип европейского конституционализма первого порядка*, сродни господству права и разделению властей, обеспечивая как основу, так и механизмы, гарантирующие его непрерывное развитие [Dupré 2013, 319]. Если мы не ограничиваемся видением конституционализма в национальных границах, а рассматриваем его в контексте концепции мега-парадигмы [Кравец 2018, 45], то конституционализм и в российском варианте своего развития, и как планетарный концепт осваивает в качестве своей интегральной части достоинство личности, принцип его охраны и защиты.

Целостность достоинства человека заключается в самой возможности осознать место отдельной личности среди человеческого вида в целом и место человеческого рода в системе видов живых существ на нашей планете. Немецкий философ Ю. Хабермас считает, что «достоинство человека образует портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право» [Habermas 2010, 464–480]. Особенно важно, с одной стороны, понимать целостность достоинства личности, с другой стороны, видеть различия между юридическим правом на достоинство и моральными правами достоинства. Не всегда философские концепции достоинства могут быть использованы для правовой индивидуализации достоинства личности. И в этом смысле как существует общая и частная справедливость, также существует и общее представление о достоинстве и юридическая индивидуализация человеческого достоинства применительно к задачам его защиты и охраны в отношении конкретной личности. Концепция достоинства личности, изложенная в труде Пико делла Мирандолы [Мирандола 1962, 506–514], вряд ли может быть применена в рамках правового дискурса, когда возникает потребность оценивать правомерность ограничений достоинства или конкретных прав, его защиты в судебном или ином юридическом порядке. Важно в этом случае иметь юридические и конституционно-правовые концепции достоинства, чтобы осуществлять процедуру юридической индивидуализации средств и способов защиты достоинства.

Кажется, что человеческое достоинство – неотъемлемый атрибут человеческой природы, а между тем в современном мире существуют насилие, жестокость, терроризм, гибридные и силовые войны, социальная несправедливость, которые дают представление о формах бесчеловечного поведения *homo sapiens*. В контексте осмысления девиза XXIV Всемирного философского конгресса (август 2018) «Учиться быть Человеком» М.Т. Степанянц предлагает заново осознать смысл человеческого бытия, задуматься над тем, что значит жить по-человечески в современную эпоху [Степанянц 2019, 22–32]. В понимании девиза «Учиться быть человеком» имплицитно присутствует и осмысление значимости человеческого достоинства, его влияние на человека разумного, который своей сознательной деятельностью создает общественную, историческую и культурную реальность. Учиться быть человеком означает также учиться быть *человеком достойным*.

Человек современный во многих сферах жизнедеятельности идентифицируется через права и обязанности, через правовой статус. Права человека являются отличительной правовой, моральной и политической концепцией последних шестидесяти лет [Cruft, Liao, Renzo 2015, 1–3]. Достоинство личности не отражалось ясно и недвусмысленно в поколениях прав человека; до сих пор не прекращается дискуссия о том, существует ли субъективное право на достоинство. Право обеспечивает секуляризацию человеческого достоинства. В дискуссиях о происхождении достоинства трудно остаться в границах светской терминологии, особенно учитывая влияние христианства, а в арабском мире – влияние ислама на понимание достоинства и его связи с долгом и правами человека. Такие дискуссии поднимают более значимые вопросы о способности теорий прав человека и конституционализма давать убедительные ответы на вопросы об основаниях прав человека и демократии, которые не опираются на аргументы Бога или «Природы». В поисках нерелигиозных оснований прав человека в плюралистичном мире Ари Коген отмечает, что «идея прав человека основана на универсальных представлениях о неприкосновенности человеческой личности. Это идея, которая может быть принята как западными, так и незападными культурами и общинами, и ее реализация – та, ради которой могут работать как глубоко религиозные, так и глубоко нерелигиозные люди [Kohen 2007, 5].

Эвристическая ценность человеческого достоинства как концепции заключается в том, что она стимулирует поиск новых прав и свобод в условиях «поколенческого» их развития и обновления; содействует выявлению новых философских, правовых, социальных связей между обеспечением человеческого достоинства и реализацией прав человека в различных сферах жизнедеятельности. *Генеративная функция* человеческого достоинства призвана устранять диспропорции между статусным и аксиологическим значениями различных видов основных прав и свобод личности; через достоинство лучше осознается нераздельность основных прав и свобод человека как принадлежащих всем и каждому в контексте отраслевой спецификации и культурной дифференциации. *Интегративная функция* человеческого достоинства обнаруживается в современном юридическом полиморфизме и построении системы сбалансированных и коррелирующих друг другу прав и свобод; в такой системе учитываются поколения прав человека как конкретно-историческая данность развития гуманитарного права, в то же время нет безусловной иерархии ценностей различных видов основных прав и свобод. Системность современного каталога прав и свобод включает в качестве гуманитарного, деонтологического и экзистенциального центра человеческое достоинство, которое обеспечивает вертикальную, горизонтальную и радиальную экспликацию и взаимосвязь прав и свобод человека между собой.

Примечания

¹ Конституция РФ 1993 г. закрепила положения об охране государством достоинства личности (ч. 1, ст. 21), которые стали исходным пунктом для конституционного судебного толкования, процесса конституционализации и дальнейшего развития этого института.

Источники – Primary Sources

Венская конвенция 1961 web – Венская конвенция о дипломатических сношениях, принята 18 апреля 1961 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (Vienna Convention on Diplomatic Relations, adopted on April 18, 1961, Russian Translation).

Декларация тысячелетия 2000 web – Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принята 8 сентября 2000 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (United Nations Millennium Declaration, adopted on September 8, 2000, Russian Translation).

Мирандола 1962 – *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. М.Ф. Овсянников. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. С. 506–514 (Pico della Mirandola, Giovanni, *Oratio de hominis dignitate*, Russian Translation).

Устав ООН 1945 web – Устав Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-United-nations/index.html> (United Nations Charter, Russian Translation).

Bentham, Jeremy (1843) ‘Anarchical fallacies’, Bentham, Jeremy *The Works*, Published by J. Bowring, Vol. 2, William Tait, Edinburgh.

Cicero, Marcus Tullius *De Inventione*, Published by E. Stroebel. Available at: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>.

Helsinki Final Act. Available at: <https://www.osce.org/helsinki-final-act>

Ссылки – References in Russian

Зорькин 2019 – Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.

Кашников 2004 – Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004.

Кравец 2019 – Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 112–128. DOI: 10.12737/art_2019_1_8.

Кравец 2018 – Кравец И.А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013207690002199–0.

Степанянц 2019 – Степанянц М.Т. Учиться быть Человеком // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 22–32. DOI: 10.31857/S004287440004403–8.

Хабермас 2012 – Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66–80.

Шевченко 2013 – Шевченко А.А. Социальная справедливость в условиях кризиса // Ценности и смыслы. 2013. № 3. С. 36–44.

References

Beitz, Charles R. (2013) ‘Human Dignity in the Theory of Human Rights: Nothing But a Phrase?’, *Philosophy & Public Affairs*, 41 (3), pp. 259–290.

Benhabib, Seyla (2011) *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*, Polity Press, Cambridge (MA).

Charles, J. Daryl (2008) ‘The Natural Law and Human Dignity: Reaffirming Ethical “First Things”’, *Liberty University Law Review*, 2 (3), pp. 607–647.

Cruft, Rowan, Liao, Matthew S., Renzo, Massimo (2015) ‘The Philosophical Foundations of Human Rights: An Overview’, Cruft, Rowan, Liao, Matthew S., Renzo, Massimo (Eds.) *Philosophical Foundations of Human Rights*, Oxford University Press, Oxford, pp. 1–41. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199688623.003.0001.

Dodson, Scott (2003) ‘Dignity: The New Frontier of State Sovereignty’, *Oklahoma Law Review*, 56 (4), pp. 777–832.

Dupré, Catherine (2015) *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*, Hart Publishing, Oxford.

Dupré, Catherine (2013) ‘Human Dignity in Europe: A Foundational Constitutional Principle’, *European Public Law*, 19 (2), pp. 319–339.

Finnis, John M. (2015) ‘Grounding Human Rights in Natural Law’, *The American Journal of Jurisprudence*. 60 (2), pp. 199–225. DOI: 10.1093/ajj/auvO13.

Habermas, Jürgen (2012) ‘Das Konzept der Menschenwürde und eine realistische Utopie der Menschenrechte’, *Voprosy filosofii*, Vol. 2 (2012), pp. 66–80 (Russian Translation).

Habermas, Jürgen (2010) ‘The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights’, *Metaphilosophy*, 41 (4), pp. 464–480.

Hartogh, Govert den. (2014) ‘Is Human Dignity the Ground of Human Rights?’ Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R., & Mieth, D. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 200–207.

Heyd, David (1999) ‘Dignity in Genetics’, *Jahrbuch für Recht und Ethik / Annual Review of Law and Ethics*, 7 (1999), pp. 65–78.

Kateb, George (2011) *Human Dignity*, Harvard University Press, Cambridge.

Kirste, Stephan (2013) ‘A Legal Concept of Dignity as a Foundation of Law’, *Human Dignity as a Foundation of Law*. Hrsg. gemeinsam mit W. Brugger, Stuttgart (ARSP-Beiheft 137), S. 63–82.

Kohen, Ari (2007) *In Defense of Human Rights*. Routledge, London. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203963760>

Kravets, Igor A. (2019) 'Human Dignity: Dialogue of Theory, Constitutional Norms, International Regulators and Social Reality', *Zhurnal Rossiyskogo Prava*, Vol. 1 (2019), pp. 112–128. DOI: 10.12737/art_2019_1_8 (in Russian).

Kravets, Igor A. (2018) 'Constitution and Values of the Constitutionalism as a Mega-paradigm', *Gosudarstvo i Pravo*, Vol. 12, pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013207690002199–0 (in Russian)

McCrudden, Christopher (2008) 'Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights', *European Journal of International Law*, 19 (4), pp. 655–724.

Raz, Joseph (1979) 'The Rule of Law and its Virtue', Raz, J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*, Oxford, pp. 210–229.

Resnick, Judith, Suk, Julie C. (2003) 'Adding Insult to Injury: Questioning the Role of Dignity in Conceptions of Sovereignty', *Stanford Law Review*, 55, pp. 1921–1962.

Riley, Stephen (2018) *Human Dignity and Law*, Routledge, London, Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315268163>

Rosen, Michael (2012) *Dignity: Its History and Meaning*, Harvard University Press, Cambridge (MA).

Schofield, Philip (2003) 'Jeremy Bentham's "Nonsense upon Stilts"', *Utilitas*, 15 (1), pp. 1–26.

Schroeder, Doris, Bani-Sadr, Abol-Hassan (2017) *Dignity in the 21st Century: Middle East and West*, Springer, XIII.

Shevchenko, Alexander A. (2013) 'Social Justice in Crisis Conditions', *Values and Meanings*, Vol. 3 (2013), pp. 36–44 (in Russian).

Stepanyants, Marietta T. (2019) 'Learning to Be Human', *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2019), pp. 22–32. DOI: 10.31857/S004287440004403–8 (in Russian).

Waldron, Jeremy (2013) 'Is Dignity the Foundation of Human Rights', *NYU School of Law, Public Law Research Paper*, No. 12–73, Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2196074 (last visited 29/05/2019).

Waldron, Jeremy (2012) 'How Law Protects Dignity', *The Cambridge Law Journal*, 71 (1), pp. 200–222. DOI: 10.1017/S0008197312000256.

Waldron, Jeremy (2009) 'Dignity, Rank, and Rights: The 2009 Tanner Lectures at UC Berkeley' (September 1, 2009). *NYU School of Law, Public Law Research Paper*, No. 09–50. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1461220> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1461220> (last visited 29/05/2019).

Zorkin, Valery D. (2019) 'Justice – Imperative of the Civilisation of Law', *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 5–14. DOI: 10.31857/S004287440004029–6 (in Russian).

Сведения об авторе

КРАВЕЦ Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Author's information

KRAVETS Igor A. – DSc in Law Studies, Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of the Novosibirsk National Research State University, professor.